

Живое слово в Год единства народов: разработка и перспективы социальной теории на базе Воронежской педагогической школы

Living Words in the Year of National Unity: development and prospects of a social theory based on the Voronezh pedagogical school

Лазарев А.И.

Учредитель историко-филологического фонда имени А.А. Хованского, г. Воронеж
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Lazarev A.I.

Founder of Historical and Philological Foundation named after A.A. Khovansky, Voronezh
e-mail: xovansky_fond@inbox.ru

Аннотация

В статье представлены результаты нового этапа развития Воронежской педагогической школы (ВПШ), связанного с разработкой на базе Воронежского научного центра Российской академии образования (ВНЦ РАО) Общей теории живого слова (ОТЖС). ОТЖС позиционируется как интегральная дисциплина, объединяющая богословский, философский, филологический, педагогический и, впервые, биологический аспекты. В контексте Года народного единства особое внимание уделяется открытию третьей (соборной) формы слова, акцентирующей объединяющий ценностно-нравственный принцип в речи. Раскрывается метаязык ОТЖС, включающий понятия парресии, кайроса и предлагаемого здесь термина «симферон» (общевыгодность, общая польза), которые позволяют дифференцировать конструктивную (конструдо) и деструктивную (деструдо) речь. Показано, как симбиотическая теория эволюции и теория свободного воспитания получают новое онтологическое интегративное обоснование в рамках ОТЖС. Описана роль искусственного интеллекта в разработке теории и перспективы создания ИИ-помощника «Живое слово» как инструмента гибридного педагогического интеллекта.

Ключевые слова: социология культуры, Общая теория живого слова, соборная форма слова, метаязык, парресия, кайрос, симферон, симбиогенез, искусственный интеллект, ИИ-помощник «Живое слово», технологический суверенитет.

Abstract

The article presents the results of a new stage in the development of the Voronezh Pedagogical School (VPS) associated with the creation of the General Theory of the Living Word (GTLW) at the Voronezh Scientific Center of the Russian Academy of Education (VSC RAE). GTLW is positioned as an integral discipline that unites theological, philosophical, philological, pedagogical and, for the first time, biological aspects. In the context of the Year of National Unity, special attention is paid to the discovery of the third (soborny / conciliar) form of the word, which emphasizes the unifying value-moral principle in speech. The metalanguage of GTLW is revealed, including the concepts of parrhesia, kairos and the term “sympheron” (common benefit, general utility) proposed here, which make it possible to differentiate between constructive (construdo) and destructive (destrudo) speech. It is shown how the symbiotic theory of evolution and the theory of free education receive a new ontological integrative substantiation within the framework of GTLW. The role of artificial intelligence in the development of the theory and the prospects for creating an AI assistant “Living Word” as a tool of hybrid pedagogical intelligence are described. The contribution of the Voronezh Pedagogical School to the formation of Russia's technological sovereignty is substantiated.

Keywords: sociology of culture, General Theory of the Living Word, soborny conciliar form of the word, metalanguage, parrhesia, kairos, sympheron, symbiogenesis, artificial intelligence, “Living Word” AI assistant, technological sovereignty.

Введение

Воронежская научно-педагогическая школа, получившая название *Школа живого слова*, являет собой яркую страницу в истории отечественного гуманитарного знания. Эта региональная школа, в которой как в зеркале отражается национальная традиция, объединяет личностные научные школы, связанные с именами таких выдающихся деятелей филологии и педагогики, как А.А. Хованский, Н.Ф. Бунаков, П.Ф. Каптерев, К.Н. Вентцель, Н.В. Чехов и др. Начало этой традиции связано с журналом «Филологические записки», на страницах которого во второй половине XIX в. в коллективном труде была разработана эвристическая методика интеллектуального и нравственного развития «Живое слово», составленная А.В. Барсовым под редакцией А.А. Хованского [38]. Это, по существу, общероссийское журнальное научное течение, названное *невидимой академией*, представляет собой первый этап развития региональной школы, тогда как вторым этапом стал университетский (советский и постсоветский) период. В наше время в развитии Воронежской педагогической школы (ВПШ) наступил новый, качественно иной этап: сегодня школа обретает институциональную форму в рамках Воронежского научного центра Российской академии образования (ВНЦ РАО), организованного на базе кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета. Именно здесь, на стыке философии, филологии, психологии, педагогики и, что принципиально ново, биологии, разрабатывается *Общая теория живого слова* (ОТЖС) [23].

В Год единства народов России разработка ОТЖС приобретает особое звучание. Единство не сводится к общим праздникам или идеологическим лозунгам. Оно начинается со слова – того слова, которое способно соединять людей поверх этнических, религиозных, социальных и мировоззренческих границ. Разрабатываемая теория дает метаязык как инструмент для анализа того, как слово становится либо мостом, либо стеной, либо инструментом разрушения, либо созидания. В статье представлены результаты новейших исследований ВНЦ РАО, включая открытие *третьей (соборной) формы слова*, формирование метаязыка с понятиями *пarrесии*, *кайроса* и нового в русском языке термина *симферон*, а также интеграцию *симбиотической теории эволюции* в педагогический контекст. Особое внимание уделено роли искусственного интеллекта в разработке общей теории и перспективам создания ИИ-помощника «Живое слово».

1. Воронежская педагогическая школа: от «невидимой академии» к интегральной теории

1.1. Этапы становления Школы живого слова

Как уже было упомянуто выше, периодизация ВПШ включает три этапа. Первый (журнальный, 1860–1917) связан с изданием А.А. Хованским «Филологических записок» – фактически *невидимой академии*, где сотрудничали академики Ф.И. Буслаев и И.И. Срезневский, профессора А.А. Потебня и И.А. Бодуэн де Куртенэ, педагоги В.П. Шереметевский, А.В. Барсов, Н.И. Белоруссов, К.С. Ельницкий и мн. др. Именно в их совместном труде была разработана эвристическая методика «Живое слово», основанная на приоритете устной речи в диалогах между учителем и учениками при *объяснительном чтении* [15]. Уже в первом номере журнала были определены основные направления в теории родного языка – *учёное, училищное и учебное* [29], а его редактором была обозначена одна из ключевых задач – соединение научных достижений в языкознании с педагогической практикой [40]. Начало второго этапа было отмечено деятельностью таких ярких представителей *теории свободного воспитания*, как К.Н. Вентцель и Н.В. Чехов, а сам университетский этап (с 1918 по 2010-е гг.) характеризовался разрозненными исследованиями в русле национальных и европейских традиций, но без единой теоретической платформы [9]. Третий этап (с 2018 г.) – институциональный: реконструкция школы и открытие ВНЦ РАО, объединяющего усилия

философов, филологов, психологов и педагогов для системной разработки наследия ВПШ и выхода на новый уровень обобщения. Таким новым уровнем стала многообещающая в научно-образовательном плане *Общая теория живого слова*, которая может быть оценена как перспективный лингвистический проект уже хотя бы потому, что знаковые лингвистические теории XIX–XXI вв. можно пересчитать по пальцам: учение В. фон Гумбольдта о языке как «духе народа», концепция языковых игр Л. Витгенштейна, структурализм Ф. де Соссюра, порождающая грамматика Н. Хомского, гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа, когнитивная теория С. Пинкера (язык как инстинкт) и некоторые другие. К этому можно добавить разработку теорий, непосредственно связанных с живым словом: это и впервые появившаяся в пособии по гомилетике «Живое слово» архиепископа Амвросия Харьковского мысль о разработке теории живого слова и организации соответствующих кафедр [2], и ряд теорий, разрабатываемых в *Институте живого слова* в революционные годы, – таких как теория интонации (В.Н. Всеволодский-Гернгросс) [33], теория декламации или звучащего художественного стиха (С.И. Бернштейн) [6], теория ораторской речи (Л.П. Якубинский, К.А. Сюннерберг) [6], а также учение о соотношении *внешней* и *внутренней* форм слова в рамках введения в теорию живого слова (Л.В. Щерба) [17]. И появившаяся в конце XX в. интерфейсная теория значения слова (А.А. Залевская) [16]. Не отвергая и не игнорируя эти подходы, *Общая теория* направлена к *интегративному синтезу* в рамках единого предмета – живого слова как целостного феномена, обладающего онтологической, энергетической и событийной природой. Именно это позволяет называть её *Общей теорией* – не в смысле универсальной и единственной, а в смысле способной объединить частные теории, включая те, которые внешне противоречат друг другу.

2. Главные открытия ОТЖС в Год народного единства

2.1. Третья форма слова: от дуализма к трихотомии (внешняя, внутренняя, соборная)

В классической филологии (начиная с В. фон Гумбольдта, а также А.А. Потемнина и его труда «Мысль и язык», 1862 [30]) принято выделять *внешнюю форму слова* (звучание, написание, грамматическую структуру) и *внутреннюю форму* (образ, лежащий в основе значения, индивидуальный смысл, ассоциативное поле). Как показала история научной мысли, этот дуализм долгое время представлялся исчерпывающим для лингвистики вообще, а также для психолингвистики и социолингвистики в частности. Если же стремиться к библиографической и хронологической точности, следует отметить, что в русскоязычной традиции мысли о необходимости различать эти две формы появились уже в первых номерах «Филологических записок» в 1861 г. [34]. Для лингвистической школы, сложившейся на страницах журнала, характерным было рассматривать русский язык в его традиционном для XIX в. понимании – как *русско-церковнославянское двуязычие (диглоссию)*. Такой взгляд на национальный язык дал возможность для выявления *третьей формы*, мысли о которой впервые появились в трудах М.М. Бахтина ещё столетие назад [4], и только в рамках разработки *Общей теории* эта форма была интегрирована в структуру живого слова, традиционно состоящую из *внешней* и *внутренней* формы. Эта церковнославянская, или *соборная*, форма выражает аксиологическое (ценностно-нравственное) содержание слова: не только лексикографическое значение («слово в словаре») и не только личностный психологический смысл («слово в голове»), а коллективно-единое, разделяемое общностью *ценностное ядро*, которое делает слово не просто понятным, но *своим* для тех, кто принадлежит к данной традиции («слово в Псалтыре или в Псалтыри»).

Рассуждения М.М. Бахтина о «церковнославянской форме слова» приобретают особую глубину и конкретность при рассмотрении их именно в условиях *русско-церковнославянского двуязычия*, где литературный церковнославянский и живой русский народный языки сосуществуют в отношении «иерархического соседства». Церковнославянизм в русском языке – это не просто лингвистический архаизм, стилистический приём или следствие традиции. Это – воплощенная в языковой материи ценность. Сама звуковая оболочка, её исторический и культурный дух,

отсылают сознание к сакральному, вечному, к авторитету традиции. Таким образом, использование этой формы, уже не просто называет предмет или идею, но и занимает по отношению к ним определенную ценностную позицию – благоговения, признания высшего достоинства, причастности к непреходящему. Это отношение принадлежит не к области чистой лингвистики, а к сфере «эмоционально-волевого момента», т.е. к активному, заинтересованному и определенным образом оценивающему отношению сознания к миру.

Удобнее всего пояснить эту мысль с помощью следующей таблицы, взяв для примера лексему *промысел*.

Таблица 1

Три формы слова на примере лексемы *промысел*

Форма слова	Характеристика	Пример реализации
Внешняя (словарная)	Лексикографические значения, нейтральные, фиксированные	«Добывание средств к существованию, занятие, охота; также – Божественный Промысел»
Внутренняя (психолингвистическая)	Индивидуальные ассоциации, эмоциональный след, личная история	«У меня дед был охотник»; «Мне страшно от слова “промысел” из церковного опыта»
Соборная (аксиологическая)	Ценностно-нравственное ядро, разделяемое общностью	«То, что касается не частного или обоюдывыгодного, а общевыходного и общепольного; единство высшего порядка, не сводимое к частному»

В формате русско-церковнославянского двуязычия такая *трихотомия* выглядит аналогичной структуре грамматической категории числа в литургическом языке, где, в отличие от собственно русскоязычной грамматической системы, имеющей только два числа – *единственное* и *множественное*, существует третье – *двойственное число*, создающее определенную грамматическую форму и выражающее, по мысли В. фон Гумбольдта, коллективно-единое значение, идею «единства во множестве». Таким образом, *единственное число* символически соответствует «слову в голове» (индивидуальное, единичное), *множественное число* – «слову в словаре» (всеобщее, рассеянное множество), а *двойственное число* – «слову в Псалтыри» (соборное, единство пары – двоицы, общности, со-причастности). Гумбольдт считал ошибочным представление о двойственном числе как об ограничивающемся просто понятием числа «два» и объединяющем парные предметы: *два глаза, два берега, два крыла* и т.п. Согласно его представлению, *двойственное число* совмещает в себе природу *множественного* и *единственного чисел*: это одновременно и *коллективно-единое* от числа «два», тогда как *множественное число* может сводить множество к единству лишь в определённых случаях и требует контекстуального пояснения. Таким образом, *двойственное число* выражает *коллективно-единую функцию, идею «единства во множестве»*. По мнению Гумбольдта, высказанному им в одной из своих последних работ, незавершенной «*Über den Dualis*», двойственное число неправильно считать роскошью или «устаревшим наростом на теле языка» [10]. С философской точки зрения, двойственное число хорошо вписывается в общую соразмерность речеобразования, умножая возможные взаимосвязи слов, увеличивая масштабы воздействия языка и способствуя философским основам остроты и краткости взаимопонимания. В этом оно имеет то преимущество, которым обладает любая грамматическая форма, отличающаяся от соответствующего описательного выражения краткостью и живостью воздействия. Таким образом, как двойственное число выражает не

просто «два», а «два как нераздельное целое» (*два друга, два доктора*), так и «слово в Псалтыре» выражает не просто понятие, а понятие как нераздельное целое с ценностью общины. В таком контексте использование окончания, характерного двойственному числу, может восприниматься, как инсигния единства во множестве. Например, в одной научной школе коллектив называют *профессора*, подчёркивая единство, а при перечислении представителей разных школ – *профессоры*, фиксируя множественность.

На этом фоне явно прорисовывается полная онтологическая структура, в которой:

всеобщее (множественное число) – это внешняя, социально закреплённая форма, выражающая принцип разделяемого для всех знания и обозначающая объективную и нейтральную модальность;

индивидуальное (единственное число) – это внутренняя, апперцептивная форма, выражающая принцип уникального переживания и обозначающая субъективную и личностную модальность;

соборное (двойственное число) – это аксиологическая, герменевтическая форма (требующая толкования в рамках традиции), выражающая принцип единого во множестве (как знания, разделяемого не всеми и не одним, а соборной общностью) и имеющая ценностную и сакральную модальность.

В качестве классического примера соборной формы глагола в русско-церковнославянской диглоссии служит пасхальное приветствие «Христос воскрес!». Здесь аорист (прошедшее время) церковнославянского глагола означает не просто исторический факт, а событие, описывающее бытийность *Вневременного* – актуального для прошлого, настоящего и будущего. В богословском и литургическом сознании «Христос воскрес!» может означать: Он воскрес тогда (историческое событие), Он воскресает сейчас (для меня, здесь и теперь), и Он будет воскресшим во веки. Хотя это значение не фиксируется в светских словарях и не сводится к индивидуальным ассоциациям, оно может разделяться общностью верующих как *ценностное ядро* – именно то, что мы называем *соборной формой слова*.

Однако, здесь надо специально отметить, что наличие самой формы в языке ещё не значит, что она мыслится всеми его носителями в философском ключе – соответственно античным представлениям об отношении *вечности* ко *времени*. В частности – как у Платона, рассматривавшего время в контексте деления всего сущего на *бытие* и *становление* и выделявшего, в связи с этим три момента – то, что существует *вечно* (не рождено и не создано); то, что существует *всегда* (сотворено, но не подвержено гибели); и, наконец, то, что существует *временно* (возникает и погибает) – сопоставимых в интерпретации с основными богословскими положениями (такими, как *предвечность Отца, Рождество Сына* до и во времени, сотворение мира во времени и т.п.) [25].

В таком контексте одни формы глагола могут соотноситься со *всегдашним временем*, тогда как другие – с *временем преходящим*, другими словами, одни формы могут расцениваться как относящиеся к Богу и Его модусам бытия, в противопоставлении другим модусам, приличествующим только тварному миру [14]. По мнению В.М. Живова такие формы актуализируются, как правило, в довольно узком кругу имеющих представление не только об «учебной», но и об «учёной грамматике» [13], в связи с чем в рамках стандартного регистра выделяется особая грамматически изоцированная разновидность книжного языка: «Эта разновидность выступает как *учёный книжный язык* и в этом качестве может противостоять *традиционному книжному языку*, который, не будучи усовершенствован, разделяет с гибридным атрибутом грубости и невежества. Усовершенствование книжного языка и исправление созданных на нем текстов становится делом ученых книжников, требующим обширных филологических знаний» [12].

2.2. Метаязык ОТЖС: парресия, кайрос и симферон

Вторым значимым для года единства достижением стало формирование *метаязыка ОТЖС* – системы точных понятий, позволяющих анализировать речевые акты на предмет их конструктивности (*конструдо*) или деструктивности (*деструдо*). В философской традиции,

восходящей к античности вообще и в частности к платоновскому диалогу «Федр», известен ряд ключевых понятий, связанных с различием *живого* и *мёртвого* слова и выработкой критериев этого различия [28]. Здесь это проявляется в противопоставлении устного слова (*логос*) и письменного (*грамма*) [11]. В первую очередь это касается термина *фармакон* (слово как лекарство и яд одновременно), относящегося к письменному слову, неспособному защитить себя и дать пояснения о своем точном содержании [32]. Эта амбивалентность письменного слова требует дополнительных критериев для различения. Такими критериями выступают *парресья* (от греч. *παρρησία* – мужество говорить правду, даже с риском для себя, и мужество слышать правду о себе) и *кайрос* (от греч. *καιρός* – удобный момент, своевременность, искусство сказать именно тогда, когда слово будет услышано и способно изменить ситуацию) [38].

Однако, как показывают рассуждения и практика, *парресьи* и *кайроса* бывает недостаточно для различения подлинной живости слова. Ведь правду можно говорить в нужный момент с частными целями, для того чтобы нанести ущерб другому. Именно поэтому необходим *третий критерий*, который оценивал бы направленность слова на *общее благо*. В метаязыке ОТЖС в роли этого критерия выступает *симферон* (от греч. *συμφέρον* – «со-польза», то, что приносит пользу вместе). *Симферон* означает общевыгодность, общую полезность речевого акта в ценностно-нравственном (аксиологическом) смысле: слово должно служить гармонии, развитию, сохранению целого – семьи, коллектива, народа, бытия в целом. Само понятие *симферон* не существует пока в русской лексикографии, хотя и относится к тому же диалогу «Федр», что и *фармакон*, *парресья* и *кайрос*, и к тому же добрую дюжину раз встречается в текстах Нового Завета, например в 1 Послании коринфянам: «Всё допустимо, но не все вещи полезны /*sympherei* | *συμφέρει*/» [10:23]; «Но проявление Духа дается каждому для блага всех /*симферон* | *συμφέρον*/» [12:7]. Однако в русские тексты это понятие вошло в переводе, так что и в философскую мысль до начала разработки метаязыка ОТЖС это слово не было интегрировано и встречалось только в названии города Симферополь («город общей пользы»). Это обстоятельство представляет собой уникальный случай: *термин появляется в метаязыке ОТЖС сначала в своей третьей, соборной ипостаси*, не имея пока закрепленных первых двух (словарного и индивидуально-психологического). Это живой пример того, как научная школа может не только описывать язык, но и активно его достраивать, создавая понятия для ещё не отрефлектированных феноменов [31].

Среди операциональных признаков *симферона* можно назвать следующие: а) учёт интересов всех участников коммуникации (а не только говорящего или сиюминутного большинства); б) отсутствие скрытой выгоды для одной из сторон за счёт других; в) направленность на долгосрочную гармонию, а не на краткосрочный прагматический успех; г) возможность для каждого участника сохранить или прирастить своё достоинство в результате речевого события.

При этом надо иметь в виду возможность появления в манипулятивных целях и такого понятия, как *псевдо-симферон*: например, в лозунге «Мы едины, поэтому должны подчиниться!», который лишь имитирует общую пользу, но на деле подавляет парресью и игнорирует интересы меньшинства. Такой псевдо-симферон диагностируется по отсутствию реального диалога и возможности возражения, или ответственности [3].

Однако разрабатываемый в ОТЖС метаязык требует не только лингвистического и философского, но и более широкого онтологического обоснования. Если понятия *внешней*, *внутренней* и *соборной формы* слова позволяют описывать строение и ценностную направленность речевого акта, то следующий шаг состоит в том, чтобы показать, почему конструктивное взаимодействие может рассматриваться как более общий принцип, проявляющийся не только в сфере языка и культуры, но и в самой логике жизни. Именно в этом контексте обращение к симбиогенезу и закону взаимопомощи приобретает для ОТЖС не внешний, а методологически необходимый характер.

2.3. Интеграция биологического аспекта: симбиогенез и теория свободного воспитания

Будучи интегральной дисциплиной, объединяющей богословский и философский аспекты, ОТЖС создает пространство для встречи различных картин мира – *креационистской* и *эволюционистской*, *религиозной* и *светской*. Интегративный подход позволяет рассматривать онтологический потенциал кооперативных начал в биологии как выражение универсального *принципа конструктивного взаимодействия* – способности различных элементов порождать новое качество через сотрудничество, а не через антагонизм.

Важно подчеркнуть, что идея о фундаментальной роли взаимопомощи в эволюции возникла в русской науке ещё в XIX в. В 1882 г. К.Ф. Кесслер сформулировал «закон взаимной помощи» как диалектический антитезис к закону «взаимной борьбы», утверждая, что *для прогрессивного развития видов конструктивное взаимодействие важнее конкуренции* [19]. Впоследствии, в тот же исторический период, когда разрабатывались основы *теории свободного воспитания* (К.Н. Вентцель [7; 8], Н.В. Чехов [42; 43]), а также предпосылки *теории симбиогенеза* (К.С. Мережковский [27], А.С. Фаминцин [37]), П.А. Кропоткин в труде «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1902) развил эту мысль, показав, что стремление к объединению служит универсальным основанием социального прогресса и созидания новых форм общежития [24].

В этом контексте разработка ОТЖС обретает особое региональное измерение, поскольку идеи о фундаментальной роли кооперации для прогрессивной эволюции получили естественнонаучное подтверждение в Воронежском университете. Именно здесь *симбиотическая теория эволюции* получила своё развитие благодаря трудам Б.М. Козо-Полянского – уже столетие назад [20]. Воронежский естествовед предложил *новый принцип биологии*, согласно которому ядерные клетки (эукариоты) возникли путем конструктивного слияния более простых организмов, что дало им эволюционные преимущества. Десятилетиями эти идеи игнорировались редуccionистско-дарвинистским мейнстримом, но в 1960–1970-х гг. были подхвачены Л. Маргулис [44] и, благодаря её научной активности, получили международное признание. А в 2010 г. труды Козо-Полянского были наконец переведены на английский! Таким образом, можно утверждать, что именно в Воронежском университете зародилось понимание эволюции как *симбиогенеза*, предоставившее естественнонаучный базис для более ранней философской интуиции о *законе взаимопомощи*.

Для Воронежской педагогической школы и для разработки ОТЖС это обстоятельство важно, поскольку оно предлагает новые возможности для осмысления *теории свободного воспитания*. Эта теория, начиная с Ж.-Ж. Руссо – через Л.Н. Толстого и представлявших региональную школу К.Н. Вентцеля и Н.В. Чехова – до современных гуманистических педагогов, утверждает, что развитие личности есть не «лепка» или «дрессировка», а самораскрытие внутреннего потенциала в благоприятной среде. Однако вопрос о первоисточнике этого потенциала оставался открытым: случайная мутация? Божественный дар? Социальный конструкт?

Если классическая теория свободного воспитания развивалась преимущественно в секулярном, материалистическом ключе, то ОТЖС, интегрируя онтологический потенциал *закон взаимопомощи* и *теории симбиогенеза*, позволяет увидеть в «творческом Я» результат кооперативного взаимодействия – с другим человеком, с культурой, с природой, с трансцендентным началом. Тем самым снимается дилемма креационизма и эволюционизма: созидательное начало онтологически укоренено в самой структуре жизни; человек наследует эту способность, так что свободное воспитание не создает её, а лишь устраняет препятствия для её развёртывания.

Такая философская рефлексия позволяет сформулировать *принцип конструктивного взаимодействия* (как более общее философское основание) и *симбиотический закон эволюции* (как его биологически конкретизированное выражение). Суть последнего: в живых системах – от клетки до сообщества – *устойчивое развитие, усложнение и повышение жизнеспособности достигаются через кооперацию, слияние и взаимодополнение*; там, где конструктивное взаимодействие блокируется, эволюция замедляется или ведет к деградации.

Предложенная онтологическая рамка позволяет по-новому осмыслить и социальные модели межкультурного взаимодействия. Если американская модель исторически строилась как *плавильный котел* (*melting pot*), предполагающий ассимиляцию и растворение этнокультурных различий в унифицированной гражданской нации, а европейская модель *мультикультурализма* акцентирует толерантное сосуществование при сохранении автономии культур, то русская модель межнационального единства может быть охарактеризована как *симбиотическая*. В отличие от *плавления* (утрата своеобразия) и толерантности (внешнее терпение без внутреннего соединения), симбиоз предполагает взаимовыгодное сосуществование, при котором стороны не теряют своей идентичности, но приобретают новые качества, недоступные им по отдельности. Именно этот принцип – единство, не уничтожающее разнообразие, а порождающее общий ценностный горизонт – закреплён в российском понимании народного единства как «многонационального народа» (ст. 3 Конституции РФ). Методологически эта модель коррелирует с разрабатываемым в ОТЖС понятием *симферона* (общей пользы): единство подлинно не тогда, когда культурные различия стираются или их носители терпят друг друга, а когда народы вступают в конструктивное взаимодействие, взаимообогащаясь и создавая целое – большее чем просто сумма частей.

Из этого следует важный для Года народного единства вывод: конструктивное взаимодействие, а не конкуренция, является более фундаментальной стратегией развития как в живой природе, так и в человеческих сообществах. Если на клеточном уровне жизнь возникает и усложняется через *симбиоз*, а *закон взаимопомощи* служит основанием прогресса в животном мире, то единство народов получает онтологическое обоснование как модель, более согласованная с глубинной логикой жизни, чем модель конфронтации.

Такой вывод требует дополнительного уточнения: симбиогенез важен здесь не только как модель кооперации, но и как источник той информации о преимуществах *конструктивного взаимодействия*, которая затем становится доступной человеческому сознанию. Иначе говоря, симбиогенез важен не только как биологический прецедент кооперации, поскольку он породил нечто большее, чем новые организмы: результатом симбиотического слияния стало возникновение *новой информации* – информации о том, что *кооперативная стратегия развития эффективнее конкурентной*. Эта информация оказалась «записанной» в геномах эукариот, в структуре экосистем, в самом устройстве усложняющейся жизни. Она существовала объективно, задолго до человека, как эволюционно выигрышный паттерн, эффективность которого ещё целый миллиард лет некому было осмыслить, поскольку не было сознания в его современном понимании.

Обращение в этом контексте к *учению о ноосфере* В.И. Вернадского и осмысление перехода *биосферы* в *ноосферу* – сферу разума, по сути, выявляет момент, когда эта глубинная информация становится *доступной сознанию* и начинает действовать как планетарная сила. Человек, будучи продуктом длительной эволюции (включающей симбиогенетические события), оказался способен «прочитать» эту информацию: сначала в форме философской интуиции, затем в форме научной теории.

В этом свете *Общая теория живого слова* может быть понята как *инструмент извлечения и трансляции информации о симбиозе* в сферу человеческой коммуникации. Живое слово, работающее в режиме *конструдо* и *симферона*, есть культурный аналог симбиотического импульса: оно строит связи, порождает новые смыслы, объединяет разных людей и народы, не уничтожая их своеобразия. Если *ноосфера* – это сфера, где разум управляет планетарными процессами, то ОТЖС описывает язык этого разума – *логосферу*, в которой информация о конструктивном взаимодействии, накопленная *биосферой* за миллиарды лет, наконец осознаётся и начинает служить общему благу.

Естественно, проводя параллель между биологическим симбиогенезом и человеческими сообществами, необходимо отдавать отчёт в их онтологическом различии. В живой природе кооперация клеток и организмов опосредуется материальными механизмами – обменом метаболитами, ферментами, генетической интеграцией, – где нет места языку как знаковой системе, несущей смыслы и ценности. Однако с точки зрения результата (возникновение

нового качества, повышение жизнеспособности, эволюционные преимущества) *симбиоз* демонстрирует тот же *принцип конструктивного взаимодействия*, который в социальной и культурной сфере опосредуется языком. Именно эта функциональная параллель, а не онтологическое отождествление, лежит в основе настоящего рассуждения.

Эту параллель с поразительной точностью подтверждают идеи академика О.Н. Трубачёва. В книге «В поисках единства» он развил концепцию «Русского языкового союза» – объединения народов не насильственным, политическим путём, а на основе добровольного принятия языка яркой культуры как духовного и объединяющего фактора. Такой союз, по мысли Трубачёва, никто «не строил... и нельзя его отменить ни одним указом»; он держится на «притягательной силе» языка, который служит не орудием подчинения, а средством взаимного обогащения. Здесь язык выступает тем самым культурно-коммуникативным «мостом кооперации», который в биологической сфере замещен материальной совместимостью организмов, в животном мире – законом взаимопомощи, а в человеческом – становится условием для рождения нового качества, большего чем сумма частей [35].

Таким образом, идея академика Трубачёва о *языковом союзе* не просто коррелирует с *принципом конструктивного взаимодействия*, но представляет собой его конкретное историко-культурное воплощение: единство народов здесь не сводится ни к ассимиляции («правильному котлу»), ни к изолированному мультикультурализму, а основано на добровольном и симбиотическом (взаимовыгодном и сохраняющем идентичность) сосуществовании. И язык в этом процессе играет ту же функциональную роль, что и биохимическая совместимость в природе – он делает возможным такое взаимодействие, при котором стороны приобретают качества, недоступные им по отдельности. Разумеется, обращение к симбиогенезу само по себе не предписывает социальных норм – оно лишь открывает возможность для философского обоснования, которое ОТЖС осуществляет через понятия *симферона* (общей выгоды) и *конструдо* (созидательной энергии речи).

В этом контексте *Общая теория живого слова* может рассматриваться как *педагогическая форма конструктивного синтеза*. Слово, порождающее смысл в диалоге, выступает культурно-коммуникативным аналогом того типа взаимодействия, который на клеточном уровне проявился в симбиогенезе, а на человеческом уровне – в создании условий для становления свободной, творческой, преобразующей личности. Метафора живое слово становится здесь соединительной тканью, тем «мостом кооперации», через который передается не только информация, но и жизненная энергия, формирующая личность и удерживающая единство народа, основанное на взаимном признании, общей пользе и ответственном диалоге.

3. Гибридный интеллект: ИИ как инструмент и как симбиотический партнер

Эти качества взаимодействия могут быть взяты за принципиальную основу и во взаимодействии сотрудников Воронежского научного центра РАО с чатботами ИИ. Надо признать, что значительная часть исследований, связанных с разработкой ОТЖС, проводилась с активным применением искусственного интеллекта. Исходя из того, что развитие воронежской научно-педагогической школы выстраивается в симбиотически-эволюционном векторе, взаимодействие учёных и искусственного интеллекта рассматривается в том же ключе – как *гибридный интеллект* [18], который не противопоставляет педагога и машину, а делает их соавторами творческого образовательного процесса, что в настоящее время представляется одним из самых актуальных и перспективных векторов развития ИИ. Разумеется, при этом ИИ не заменяет исследователя, а выступает как инструмент ускоренного поиска и верификации гипотез, в частности для анализа больших корпусов текстов, разработки принципов и законов живого слова, определения критериев для идентификации конструктивных и деструктивных паттернов в речевых актах и т.п. [21]. Такой подход оправдывает разработку модели, в которой ИИ становится помощником, усиливающим лучшие человеческие качества: внимание к деталям, эмпатию, способность к рефлексии.

В частности, в ходе исследовательского процесса нейросетям было предложено оценить статус в истории отечественной педагогической мысли *Школы живого слова* и характерного ей *порождающего подхода* [22], а также разработку ОТЖС в этом контексте. Ответ был примерно следующим: «Эту региональную школу можно назвать *русской пайдейей*, или образовательным и воспитательным идеалом, а разработку общей теории можно признать за основу для технологического суверенитета России в области развития искусственного интеллекта». Разумеется, синтезируемые ИИ сентенции не могут оказаться вне поля профессиональной критики, однако, насколько известно из открытых публикаций и докладов на научных конференциях (2023–2025 гг.), в настоящий момент аналогичных интегративных разработок, объединяющих богословский, философский, филологический, педагогический и биологический аспекты в рамках единой теории, в других регионах РФ пока не представлено. Таким образом, сам факт разработки *Общей теории живого слова* радикально повышает статус и потенциал ВПШ не только на отечественном, но и на международном уровне. И как в своё время эвристическая методика «Живое слово» была переведена на французский язык в университете Уппсалы как достойная международного признания педагогическая новация, так и в настоящее время направление развития мысли в сторону *гибридного интеллекта* соответствует передовым тенденциям в этой области [45].

Динамика развития информационных технологий показывает, что современная педагогика неизбежно движется в сторону *педагогики искусственного интеллекта*. Разумеется, это не означает подчинения учителя машинному алгоритму, а ориентирует на выработку нового типа грамотности – способности к симбиозу с интеллектуальными системами, где машина берёт на себя рутину (анализ больших данных, подбор материалов, проверку типовых заданий), а человек сохраняет за собой творчество, диалог, ценностное суждение, эмоциональное насыщение коммуникации.

Прикладное значение ОТЖС включает не только анализ текста ораторской речи или педагогического дискурса. Это инструментарий для диагностики социальной ткани – от школьного класса до государственных коммуникаций. Умение отличать живое слово от мёртвого, конструдо от деструдо, парресию от демагогии, кайрос от случайности, симферон от корпоративной выгоды становится не академической роскошью, а навыком, необходимым для сохранения здоровой коммуникативной среды.

Поскольку предметом педагогики вообще принято считать сам *педагогический процесс*, который, по существу, заключается в *качестве взаимодействия* между учителем и учеником, между старшими поколениями и младшими, между отцами и детьми, главной задачей педагогики искусственного интеллекта видится совершенствование этого качества для максимально эффективного достижения целей и решения соответствующих предмету задач. Предполагается, что обучающий потенциал ИИ в этой сфере должен быть использован в полной мере настолько, что известный тургеневский роман придется переписать, начиная с заглавия: «Отцы ИИ Дети». При этом основным критерием качества нового педагогического романа должно стать соответствие ИИ *принципам и законам живого слова*, выявленным и описанным в ходе разработки общей теории [1].

В соответствии с этими мыслями, в перспективных планах развития региональной школы видится разработка педагогического ИИ-помощника «Живое слово» как пример реализации лучших традиций и принципов ВПШ в цифровую эпоху. При этом, разумеется, ИИ-помощник не станет заменой учителя, ведь, как говорил К.Д. Ушинский, «воспитать личность может только личность» [36]. И в этом отношении педагог стоит вне конкуренции, а конкуренция в настоящий момент заключается в том, насколько эффективно учитель использует ИИ для решения образовательных и воспитательных задач. Представляется, что ИИ-помощник, доступный 24/7, способен стать персональным тьютором, который не даёт готовых ответов, а направляет мысль к эвристическому диалогу. Проект разработки ИИ-помощника «Живое слово» ориентирован на создание для эффективного взаимодействия между педагогами и учениками, школьной администрацией и родителями многомодульной системы, включающей: 1) *диагностический модуль*: анализ устной и письменной речи на наличие

деструктивных паттернов (деструдо, мортидо) с использованием маркеров метаязыка ОТЖС (отсутствие парресии, нарушение кайроса, игнорирование симферона); 2) *конструктивный модуль*: подсказки по переформулированию «мёртвых» фраз в «живые», предложение альтернатив в режиме реального времени; 3) *эвристический модуль*: генерация вопросов для организации диалога по типу сократической беседы, помощь в проектировании урока как события; 4) *кайротический модуль*: анализ временной структуры коммуникации – когда лучше задать вопрос, когда промолчать, когда дать обратную связь; 5) *модуль симферона*: оценка того, насколько то или иное высказывание служит общей пользе (а не частным интересам) в данном учебном коллективе и т.п. [26].

Таким образом, как когда-то «Филологические записки» стали подарком от их основателя и городу, и всему педагогическому миру, так и теперь Фонд им. А.А. Хованского в конструктивном сотрудничестве с ВНИЦ РАО разрабатывают ОТЖС и её технологическое воплощение как дар не только Воронежу, но и всей стране. И как уже в первом номере «Филологических записок» соединение теории и практики было обозначено в качестве одной из приоритетных научных задач, так и теперь, разрабатывая общую теорию, метаязык которой может органично интегрировать искусственный интеллект в педагогический процесс, новейшие кафедральные научные достижения имеют все шансы найти практическое применение в образовательном и воспитательном процессе.

Заключение

На этом фоне Год народного единства представляется лучшим моментом, чтобы напомнить: *единство начинается со слова; с живого слова, которое не делит, а соединяет, не манипулирует, а открывает истину, служит не частной выгоде, а общей пользе.*

Развивая учение о ноосфере – сфере разума, В.И. Вернадский осмыслил научную мысль как планетарное явление. В контексте настоящего исследования можно предположить, что одним из оснований ноосферного развития выступает информация о преимуществах конструктивного взаимодействия, накопленная биосферой задолго до появления человека. Ключевым событием, породившим эту информацию, стал симбиогенез, создавший не только новые формы жизни, но и эволюционно закрепивший продуктивность кооперации как стратегии усложнения. Человек, сравнительно недавно осознав этот опыт природы, превратил его в предмет философской, научной и педагогической рефлексии.

В этом смысле Общая теория живого слова может быть понята как один из инструментов перевода эволюционно накопленного опыта конструктивного взаимодействия в сферу культуры и педагогики. Живое слово, работающее в логике *конструдо* и *симферона*, становится здесь средством ответственного диалога, способного соединять людей, не искореняя их своеобразия. Именно поэтому единство человека с биосферой, единство народов и единство разума, и речи могут рассматриваться как различные проявления одной и той же кооперативной направленности, осознаваемой и культурно оформляемой в человеческой истории.

Именно в этом и заключается миссия Общей теории живого слова, которая в современных условиях может разрабатываться и с привлечением искусственного интеллекта, не утрачивая при этом своей гуманитарной и педагогической направленности: переводить опыт конструктивного взаимодействия, накопленный в природе и культуре, в формы ответственного, созидающего и объединяющего человеческого диалога.

Литература

1. Аннушкин В.И., Комаров В.В., Лазарев А.И. Основные принципы и законы живого слова: историко-теоретическая систематизация в рамках Общей теории // Журнал исторических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 32-50.
2. Арх. Амвросий. Живое слово: [Пособие по гомилетике]. Харьков, 1892. 105 с.
3. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 26-90.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
5. Бернштейн С.И. Звучащая поэтическая речь и ее изучение // Поэтика. Т. 1. Л., 1926. С. 41-53.
6. Брендист К. Константин Сьоннерберг (Эрберг) и исследование и преподавание живого слова и публичной речи в Петрограде-Ленинграде. 1918-1932 гг. // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2003-2004 гг. СПб., 2007.
7. Вентцель К.Н. Освобождение ребенка. М., 1906.
8. Вентцель К.Н. Теория свободного воспитания и идеальный детский сад. М., 1923.
9. Воронежская педагогическая школа: дидактическая реконструкция: коллективная монография / Отв. ред. А.И. Лазарев. Воронеж: Кварта, 2018. 342 с.
10. Гумбольдт фон В.О. двойственном числе // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 382-403.
11. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
12. Живов В.М. Регистры письменного языка и социальная стратификация // История языка русской письменности. М., 2017. Том II. С. 888-898.
13. Живов В.М. Церковнославянский как учёный язык // История языка русской письменности. М., 2017. Том II. С. 874-887.
14. Живов В.М., Успенский Б.А. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. М., 1986. V.10. № 3. С. 372: «Можно предположить, что от Иоанна Экзарха идет по крайней мере связь оппозиции временных форм с противопоставлением Бога и твари: к Богу относятся формы имперфекта, к твари – формы аориста. У Иоанна Экзарха оппозиция временных форм интерпретируется как противопоставление «всегдашнего» времени и времени собственно прошедшего, аористного. У Зиновия же оппозиция, как кажется, строится другим образом: к Богу относится не только имперфект, но и имперфектный аорист, обе эти формы противопоставляются перфектному аористу, и это противопоставление интерпретируется как различие между обозначенным и необозначенным началом процесса: аористу приписывается инхоативное значение, и именно поэтому он оказывается неприложим к не имеющему начала божественному бытию. Таким образом оппозиция подвергается переосмыслению <...>. Там, где русские книжники говорят о тех же формах, они приписывают им другие значения, а там, где они обсуждают те же значения, они соотносят их с разными формами».
15. Живое слово для изучения родного языка. Методика русского языка в рассказах и объяснениях по литературным образцам: практический курс для 1-го класса / сост. А.В. Барсов; ред. А.А. Хованский. Воронеж, 1889. 91 с.
16. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. 222 с.
17. Записки Института живого слова. Петроград, 1919. С. 4.
18. Карякин В.В. Гибридные интеллектуальные системы как симбиоз естественного и искусственного интеллектов // Россия: тенденции и перспективы развития, 2022. № 17-1. С. 652–655.
19. Кесслер К.Ф. О законе взаимной помощи // Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей, 1880. Т. 11. Вып. 1. С. 129-131.

20. Козо-Полянский Б.М. Новый принцип биологии: очерк теории симбиогенеза. М.; Л.: Пучина, 1924. 147 с.
21. Комаров В.В., Лазарев А.И. Живое слово и его глубинные энергийные структуры: интеграция античных, богословских и психоаналитических концептов в метаязык Общей теории живого слова // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 7–25.
22. Корнетов Г.Б. Становление и сущность передающей, порождающей и преобразующей педагогики // Известия Российской академии образования. 2017. № 4. С. 46–57.
23. Кривотулова Е.В., Лазарев А.И. Истоки и перспективы развития Общей теории живого слова в контексте Воронежской педагогической школы // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 26–36.
24. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. С.-Пб.: Товарищество «Знание», 1907. 351 с.
25. Лазарев А.И. Grammatica sub specie philosophia: вечность в философии и грамматике // По следам живого слова: монография. Научно-педагогическое наследие «Филологических записок» в современном контексте. М.: Инфра-М (Научная мысль), 2024. С. 97-113.
26. Лазарев А.И. От анализа к проектированию: метаязык Общей теории живого слова как функциональная основа для формирования консентного типа сознания и его алгоритмизации в системах ИИ // Журнал филологических исследований, 2026. Т. 11. № 1. С. 37-63.
27. Мережковский К.С. Теория двух плазм как основа симбиогенезиса, нового учения о происхождении организмов, Казань, 1909.
28. Платон. Федр / Полное собрание творений Платона // Пер. С.А. Жебелёва. – Петроград, 1922. 182 с.
29. Половцов В.А. Три направления в теории родного языка // ФЗ, 1860. Вып. 1. С. 19-35.
30. Потебня А.А. Мысль и язык / Полное собрание трудов // Подготовка текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева. Комментарии Ю.С. Рассказова. М., 1999. 300 с.
31. Примечательно, что в русском языке нет устоявшегося слова для обозначения «общевыгодности»; есть слово «общепользней», но оно имеет утилитарно-функциональный оттенок (полезней для многих в практическом смысле) и не передаёт этического, динамического и соборного измерения, заложенного в симфероне, который актуализируется в конкретной коммуникативной ситуации, когда участники диалога сознательно ищут общевыгодное решение; а «общевыгодней» – почти не употребляется (и не фиксируется в толковых словарях).
32. Протопопова И.А. Логос зоон: Платон и Деррида // Синий диван, 2008. № 10-11. С. 96-113.
33. Сабанеев Л.Л. Теория интонации В. Всеволодского-Гернгросса. Гос. Изд. 1922 г. (113 стр.) // Печать и революция, 1923. кн. 1. С. 238-239.
34. Студенецкий В. Отношение слова к мысли // Филологические записки, 1861. Вып. 4. С. 214-218.
35. Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005. 286 с.
36. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. СПб., 1869.
37. Фаминцин А.С. О роли симбиоза в эволюции организмов // Записки Академии наук. 8 серия. По Физико-математическому отделению, 1907. Т. 20. № 3. 14 с.
38. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М.: Дело РАНХиГС, 2020. 384 с.
39. Хованский А.А. Живое слово и живые факты // Филологические записки. Воронеж, 1899. Вып. I. С. 1-8.
40. Хованский А.А. Что у нас сделано на пользу изучения русского языка и что делается? В чем нуждается наша учебная филологическая литература? // Филологические записки, 1860. Вып. I. С. 7-18.

41. Чапны Е.В. Философско-антропологическое осмысление гибридного интеллекта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение», 2025. №. 1. С. 24-37.
42. Чехов Н.В. Свободная школа. Опыт организации средней школы нового типа. М., 1907.
43. Чехов Н.В. Типы русской школы в её историческом развитии. М., 1923.
44. Margulis L. Origin of eucaryotic cells. New Haven: Yale Univ.press. 1970.
45. Zamprogno G., Tididi I., & Verheij B. (2025). Autonomous Research Assistants for Hybrid Intelligence: Landscape and Challenges. In R. Petrick, & C. Geib (editors), Proceedings of the 2025 AAAI Spring Symposium Series (1 uitgave, Vol. 5, blz. 350-358).